

УДК 94:329.3(569.3) «19»
ББК 63.3 (5 Лив) 6
И 24

А.С. Иващенко,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет», г. Майкоп, тел.: 8 (8772) 57-55-96, e-mail: ivashchenko5757@mail.ru

РОЛЬ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ФАКТОРА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЛИВАНА (1943–1990 гг.)

(Рецензирована)

Аннотация. Со второй половины XX в. наблюдается стойкая тенденция усиления влияния конфессионального фактора на социально-политические процессы в афро-азиатских странах. Цель статьи – выявить воздействие религии на политическую жизнь Ливана в 40–80-е гг. XX в.

Ключевые слова: Ливан, конфессия, христиане – марониты, сунниты, шииты, друзы, гражданская война, «Хизбалла».

A.S. Ivaschenko,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of General History Department of Faculty of History, Adyge State University, Maikop, ph.: 8 (8772) 57-55-96

ROLE OF A CONFESSIONAL FACTOR IN POLITICAL LIFE OF LEBANON (1943–1990)

Abstract. A steadfast tendency of strengthening the influence of a confessional factor on socio-political processes in the Afro-Asian countries is observed beginning from the second half of the 20th century. The aim of this paper is to reveal impact of religion on political life of Lebanon in the 1940 – 1980s.

Keywords: Lebanon, faith, Christians – Maronites, Sunnites, Shiites, Druzes, civil war, “Hizballah”.

Период конца XX – начала XXI вв., ознаменовавшийся вступлением наиболее развитых стран мира в постиндустриальную эпоху, вовлечением мирового сообщества в процессы глобализации, широким распространением общечеловеческих ценностей, казалось, оставил для религии участь не более чем культурно-цивилизационного элемента в функционировании человеческого общества. Однако оказалось, что это характерно далеко не для всех социумов и цивилизаций. Более того, для народов, в том числе

и стран ближневосточного региона, религия – это значительно большее, чем культурно-цивилизационный компонент.

Одним из таких государств, где конфессиональный фактор и в лице ислама, и в лице христианства не только выступает культурно-цивилизационной составляющей, но и значительно влияет на государственно-политические структуры и политическую жизнь, является Ливан. Доминирующим этносом в Ливане являются арабы, они составляют 90% всего населения

страны. Оставшиеся 10% населения представлены армянами, турками, курдами, черкесами и другими народами.

Однако если этническая картина Ливана в подавляющем своём большинстве является гомогенной, то конфессиональная – выглядит весьма мозаично. Так, по итогам переписи, которая была проведена в Ливане ещё в 1932 г., когда он являлся подмандатной территорией Франции, в нём насчитывалось 51,2% христиан и 48% мусульман. *(С 1932 г. новой переписи населения в Ливане не проводилось. – А.И.).* Причём христиане-марониты составляли 28,8% всего населения Ливана, мусульмане-сунниты – 22,4%, шииты – 19,6% [1; 18]. Оставшиеся чуть менее трети населения исповедовали православие, католичество, протестантизм, были последователи армяно-григорианской церкви, а также друзы [2].

Ливан является единственной арабской страной, в которой официально признаны 18 религиозных общин (12 христианских, 5 мусульманских и одна иудейская). Исторически взаимоотношения между представителями ливанских конфессий были не простыми. В 1943 г. Ливан был провозглашён независимым государством. В этом же году лидеры ведущих религиозных общин, идя на взаимный компромисс, заключили так называемый Национальный пакт. Национальный пакт представлял собой соглашение об основах и принципах организации государства. В основу политической системы Ливана было положено пропорциональное представительство признанных религиозных общин, за исключением иудейской, в органах государственной власти. Этот принцип получил название политического конфессионализма [3; 18]. Официальная фиксация этого принципа в функционировании политической системы Ливана

отличала его не только от западных стран, но и от соседних арабских государств.

В соответствии с численностью населения религиозных общин, проживавшего в то время в Ливане, была выработана система распределения государственных должностей. Пост президента Ливана занял христианин-маронит, который наделялся достаточно широкими полномочиями, в частности, являлся верховным главнокомандующим, возглавлял Высший совет обороны. Представители христиан-маронитов получали также такие важные посты в госаппарате, как директора Центрального банка, начальника службы госбезопасности, главы ключевых министерств. Премьер-министром Ливана становился мусульманин-суннит, председателем парламента – шиит, начальником генерального штаба – друз и т.д.

Конфессиональный признак положен и в основу формирования законодательной ветви власти Ливана. Так, в соответствии с избирательным законом от 1960 г., на каждых 6 христиан в парламенте страны должно приходиться 5 мусульман. За каждым из 26 избирательных округов, независимо от того, какое в них население и сколько человек имеют право голосовать, закреплено определённое число кандидатов по признаку религиозной принадлежности. Таким образом, борьба за депутатские места ведётся не в избирательном округе в целом, а лишь в пределах представленных в нём общин. Политическая жизнь конфессиональных общин находится под контролем традиционных семейных кланов. В течение десятилетий в Ливане существует своего рода монополия на парламентское представительство 210 семей [4; 55].

Конфессиональный принцип заложен и в основе судопроизводства Ливана. Все дела, касающиеся личного статуса ливанцев,

рассматриваются в религиозных судебных органах соответствующих общин.

Несмотря на некоторые оговорки в правовых актах, на практике в Ливане всегда в первую очередь учитывалась религиозная принадлежность кандидата на тот или иной пост, а уж потом – его профессиональные и личные качества.

Стремление ливанских религиозных общин оказывать влияние на государственное управление привело к созданию ими политических партий, которые защищают интересы либо общины в целом, либо различных слоёв и групп внутри каждой общины. Например, существует несколько маронитских партий, во главе которых стоят представители семейно-клановых группировок: Национальный блок (Р. Эдде); Национально-либеральная партия маронитского клана Шамунов; «Катаиб» (*основатель П. Жмайель – А.И.*); Ливанские силы, возглавляемые С. Джаджем; Свободное патриотическое движение, лидером которого является генерал – маронит М. Аун. Есть в Ливане партии и «мусульманского блока», в частности, шиитская «Хизбалла» (*Партия аллаха. – А.И.*), идейным вдохновителем которой является Х. Насралла; Прогрессивно-социалистическая партия (ПСП), возглавляемая шейхом друзов В. Джумблатом; шиитская партия «Амаль» (*руководитель – Н. Бери – А.И.*); а также суннитский блок города Триполи и суннитская партия «Джамаа исламийя» (*Исламское общество – А.И.*).

Социальная платформа некоторых партий, построенных на конфессиональной основе, вплоть до гражданской войны 1975–1990 гг. привлекала к ним представителей других общин, тем более что почти все партии, желая расширить своё влияние в стране, официально не декларируют конфессиональность. Поэтому неудивительно, что среди руководства ПСП много христиан,

поддерживающих программу этой партии. В состав маронитских партий могут вступать христиане из других общин. Однако нельзя не согласиться с ливанским учёным Ш. Ризкой, что в целом всё же политические партии, за некоторым исключением, строятся на религиозной платформе и «в действительности представляют собой не что иное, как конфессиональные кланы» [5; 130].

Политический конфессионализм, который лёг в основу государственного устройства Ливана, в конечном итоге со временем стал главным детонатором социального взрыва в стране, который перерос в разрушительную и кровавую гражданскую войну 1975–1990 гг. Причинами гражданской войны в Ливане были как внутренние, так и внешние факторы.

Одним из главных внутренних противоречий, которое привело к гражданской войне в Ливане, было изменение к концу 60-х гг. XX в. численности ливанского населения по конфессиональному составу не в пользу христиан. Население мусульманской общины Ливана к концу 60-х гг. превысило численность христианской. В этих условиях лидеры мусульманской общины стали требовать от христианской официальной проведения переписи населения Ливана и по её результатам перераспределения мест в государственном аппарате в пользу мусульман. Однако «верхи» христианско-маронитской общины не хотели проводить перераспределения властных полномочий и, соответственно, не были заинтересованы в проведении переписи населения страны [4; 72].

Дополнительную напряжённость в межконфессиональную ситуацию привносил и тот факт, что христианская часть бизнесменов Ливана была более богатой и образованной, нежели мусульманская. Так, в середине 70-х гг. доля крупных предпринимателей Ливана из

христиан достигала 75%. Высшие управленческие посты в сфере промышленности, финансов, услуг распределялись следующим образом: христиане – соответственно, 105, 11 и 40 должностей; мусульмане – 21, 2 и 5. Представители мусульманской общины, особенно шиитской, принадлежат к наиболее бедным и обездоленным слоям населения Ливана. Шиитские трущобы образовали вокруг столицы Ливана – Бейрута – «пояс нищеты».

Кроме того, в Ливане происходила эрозия традиционных социальных и религиозных структур. В мусульманских общинах вместо старых вождей и шейхов на первый план выдвигались новые лидеры, выходцы из радикально настроенной мелкой буржуазии. Они требовали проведения реформ, отвечающих интересам широких масс мусульманского населения.

Неприятие мусульманами Ливана, особенно шиитами, ценностей западной цивилизации, носителями которой они считали маронитов и других христиан, было ещё одной внутривнутриполитической причиной гражданской войны в Ливане. Стремление ливанских шиитов построить своё общество, основанное на устоях ислама и национальных традициях, растущая религиозная нетерпимость части мусульман вызывали ответную реакцию у христиан.

Развязыванию гражданской войны в Ливане 1975–1990 гг. во многом способствовали и внешние факторы, которые были в первую очередь связаны с развитием ближневосточного конфликта. Одним из таких внешних факторов было пребывание палестинских беженцев на территории Ливана [6; 33]. В результате череды арабо-израильских войн, начавшихся с середины XX в., к началу 80-х гг. на территории Ливана нашли себе прибежище около 400 тыс. палестинских беженцев. Для государства с населением чуть более 3,5 млн человек, каковым в

то время являлся Ливан, это было непомерной не только социально-экономической, но и политической нагрузкой. Более того, вооружённые отряды палестинских беженцев совершали с территории Ливана регулярные военные операции против Израиля. В ответ Израиль был вынужден давать отпор палестинским боевикам, нередко вторгаясь с этой целью на территорию Ливана, где располагались лагеря палестинских беженцев. Это в свою очередь подвергало разрушению социально-экономическую инфраструктуру Ливана, вызывало недовольство ливанских граждан и официальных властей. В этих условиях правохристианские круги Ливана при поддержке Израиля поставили своей целью разгромить палестинское движение сопротивления (ПДС). Правящая христианская элита Ливана видела также в палестинских беженцах потенциальную угрозу изменения конфессионального состава населения в стране в пользу подавляющего преимущества мусульман над христианами, в случае предоставления гражданства палестинским беженцам. Курс правохристианских сил на разгром ПДС в Ливане поддержала часть крупной мусульманской буржуазии этой страны, которая была связана с внешней торговлей. Однако ПДС в Ливане получило поддержку низших и средних слоёв мусульман, а также мусульманской буржуазии, которая хотела использовать палестинцев в борьбе за власть в Ливане.

Поводом к началу гражданской войны в Ливане послужил взрыв автобуса с палестинцами в Бейруте, организованный боевиками партии Катаиб 13 апреля 1975 г., в результате которого погибли 22 человека.

Гражданская война в Ливане шла не только между христианской и мусульманской общинами в целом, но и внутри самих общин, между их отдельными течениями. Так, например, имели место столкновения

суннитов с шиитами, а также вооруженное противостояние в шиитском лагере между партиями «Хизболла» и «Амаль» в 1988–1990 г. за лидерство. Аналогичные процессы протекали также и в христианской общине, в частности, в 1980 г. Гражданская война началась с так называемой двухлетней войны 1975–1976 гг., в которой палестинцы активно противостояли христианам [7; 182]. Затем палестинцы начали вооружённую борьбу в Ливане против мусульман-шиитов (1977–1982 гг.), а с 1988 г. развязали боевые действия в отношении своих единомышленников – ливанских мусульман-суннитов.

На полтора десятка лет Ливан погрузился в состояние абсолютного хаоса, который угрожал дезинтеграции страны, более того, полной потерей ливанской государственности. В этих условиях 30 сентября 1989 г. депутаты ливанского парламента при посредничестве Алжира, Саудовской Аравии и Марокко заключили в саудовском городе. Ат-Таиф «Хартию национального согласия». Она предусматривала равное представительство мусульман и христиан в ливанском парламенте; ограничение власти президента-маронита, в частности, изъятие из его ведения поста верховного главнокомандующего вооружёнными силами; за представителями трёх основных общин были закреплены только высшие посты; формально упразднен принцип конфессионального представительства во всех звеньях госаппарата, суда, в армии и органах госбезопасности; после избрания нового президента и «правительства национального согласия» предполагалось разоружить все общинные военные формирования и т. д. [8; 255].

Внешний фактор являлся не только одной из причин гражданской войны в Ливане, но и активно влиял на её ход, более того, придавал ей масштабный и особо разрушительный характер. Ливан,

в годы гражданской войны, стал ареной реализации амбиций на лидерство как региональных, так и мировых держав. В целом мусульманскую общину в Ливане поддерживали исламские государства, главным образом, арабские: Сирия, Ирак, Саудовская Аравия, Египет, Организация освобождения Палестины, а также Иран. Правохристианские силы в Ливане опирались на помощь Израиля, Франции, США, Ватикана и т.д. Особенно активно в гражданскую войну в Ливане вмешивалась Сирия, участвуя в военных действиях на ливанской территории. Ливанским шиитам активно помогал Иран, одно время даже вынашивая идею создания в Ливане исламской республики. Сирия и Иран нередко блокировались в противодействии амбициям Ирака, который хотел реализовать их в Ливане. Не меньшую активность в гражданской войне в Ливане проявлял Израиль, интересы которого по разгрому ПДС и изгнанию палестинцев из Ливана совпадали с желаниями ливанских правохристианских политических сил.

Крайне негативными были гуманитарные и экономические последствия гражданской войны в Ливане. Так, за годы войны из Ливана эмигрировало до 1 млн человек, в том числе 135 тыс. инженеров, врачей, адвокатов, квалифицированных рабочих. Число ливанцев – внутренних мигрантов, т. е., тех, кто бежал из зоны боевых действий, составило 1,4 млн чел. Для решения проблемы беженцев в 1989 г. было даже создано министерство по делам перемещённых лиц. Война унесла жизни более 100 тыс. мирных жителей, включая палестинских беженцев. Ущерб, нанесённый экономике Ливана, оценивается экспертами суммой до 30 млрд долл. Внешний долг Ливана превысил сумму в 2 млрд долл. и составил большую часть ВВП. Если в 1982 г. доход на душу населения

в Ливане составлял 2000 долл., то в 1987 г. он сократился до 314 долл. [9; 41, 49]. За годы войны в Ливане была практически разрушена инфраструктура, особенно пострадали сфера услуг, а также сельское хозяйство и промышленность.

Таким образом, Ливан как авторитарное ближневосточное арабское государство, по своей сути, основанное на лидерстве определённых этноконфессиональных групп, не смогло выработать универсальную модель идентичности, приемлемую для своих граждан вне зависимости от их религиозной или этнической принадлежности. Во внешне целостном ливанском обществе не только сохранилось, но и в значительной степени усилилось влияние на все сферы жизни родовых, общинных, клановых и конфессиональных структур. Интеграция этноконфессиональных групп в

современное общество по своим внешним проявлениям протекает в Ливане, как и на всём Ближнем Востоке в целом, медленнее и менее результативно. Здесь не находит своего подтверждения идея «плавильного котла», согласно которой урбанизация, интенсивное развитие экономики, рост миграций и контактов, активные социально-классовые и политические процессы в полиэтнических странах открывают путь к изживанию самой проблемы сложных межобщинных отношений. В условиях снижения функциональности государства и низкой дееспособности структур правопорядка и общественной безопасности в Ливане борьба кланов, родов, общин и конфессиональных групп за свои интересы часто становится доминирующим фактором их объединения, служа своего рода «социальным клеем».

Примечания:

1. Скороход Ю. Ливан: конец гражданской войны? // Азия и Африка сегодня (ААС). 1991. № 10.
(Марониты – приверженцы маронитской католической церкви. Получили название по имени своего основателя Мар Марона. Маронитские общины возникли в V–VII вв. в Сирии).
Друзы – последователи мусульманской религиозной секты; одно из ответвлений исмаилизма. Секта возникла в начале XI в.
2. Мохова И. Ливанский внутривосточный конфликт: программы оппонентов // ААС. 2010. № 4.
3. Горбунова Н. Конфессиональная борьба в Ливане в 80-е годы: причины, характер, последствия // Восток и современность: научно-информационный бюллетень. М., 1989. № 4.
4. Горбунова Н. Ливанский кризис: трансформация общества и государства // Восток. 2013. № 4.
5. Абилов К. Ливан и палестинские беженцы // ААС. 2006. № 12.
6. История Востока: в 6 т. Т. 6. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). М.: Восточ. лит., 2008.
7. Шевченко В. Посткризисный период развития Ливана (1990–2012) // Ближний Восток и современность. М., 2012. Вып. № 46.
8. Шморгун А. Ливанский феномен // ААС. 2006. № 5; он же Ливан – банковско-финансовый центр Ближнего Востока // ААС. 2006. № 3.

References:

1. Skorokhod Yu. Lebanon: the end of the civil war? // Asia and Africa today (AAS). 1991. No. 10.
(Maronites – followers of the Maronite Catholic Church. They were named after their founder Mar Maron. Maronite communities appeared in the V–VII centuries in Syria).

The Druze – followers of the Muslim religious sect; one of the branches of Ismaili. The sect originated at the beginning of the XI century.

2. Mokhova I. Lebanese internal political conflict: opponents' programs // AAS. 2010. No. 4.
3. Gorbunova N. The confessional struggle in Lebanon in the 80s: causes, nature, consequences // The East and modernity: scientific and information bulletin. M., 1989. No. 4.
4. Gorbunova N. Lebanon crisis: the transformation of society and the state // The East. 2013. No. 4.
5. Abilov K. Lebanon and Palestinian refugees // AAS. 2006. No. 12.
6. The history of the East: in 6 v.: The East in the recent period (1945–2000). M.: Vostochn. Lit., 2008. V. 6.
7. Shevchenko V. The post-crisis development of Lebanon (1990–2012) // The Middle East and modernity. M., 2012. Iss. 46.
8. 9. Shmorgun A. Lebanese phenomenon // AAS. 2006. No. 5; The same autor: Lebanon – banking and financial center of the Middle East // AAS. 2006. No.